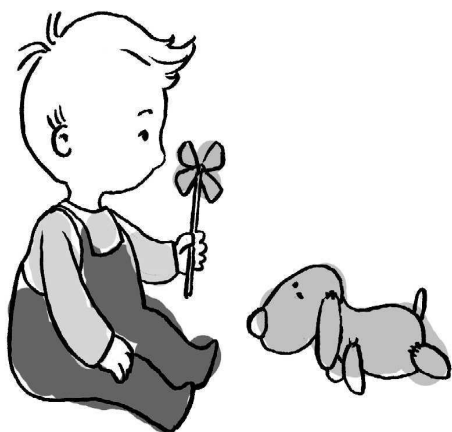

*Моему дедушке
и Мари Тонделье*

Я ненавижу школу.
Ненавижу ее пуще всего на свете.
Нет, даже еще сильнее..
Она испортила мне всю жизнь.

До трех лет, точно могу сказать, я жил счастливо. Я плохо это помню, но так мне кажется. Я играл, по десять раз подряд смотрел мультфильм про медвежонка, рисовал картинки и придумывал миллион приключений для Гродуду — это был мой любимый плюшевый щенок. Мама рассказывала, что я часами сидел один в своей комнате и не скучал, болтал без умолку, вроде как сам с собой. Вот я и думаю: наверно, счастливо мне жилось.

Тогда, в детстве, я всех любил и думал, что меня тоже все любят. А потом, когда мне исполнилось три года и пять месяцев, вдруг — бац! — в школу.

В первое утро я вроде даже был рад. Родители наверняка все лето мне талдычили: «Вот здорово, милый, ты пойдешь в настоящую школу...», «Смотри, какой красивый ранец тебе купили! Ты пойдешь с ним в школу!» Ну и все такое... Они говорят, я даже не плакал. (Я вообще

любопытный, наверно, хотел посмотреть, какие там у них игрушки и есть ли «Лего»...) В общем, к обеду я вернулся довольный, все съел и побежал в свою комнату, рассказать Гродуду, как интересно было в школе.

Если бы я тогда знал, то как следует посмаковал бы те последние счастливые минуты, потому что сразу после этого моя жизнь пошла наперекосяк.

— Пошли, — сказала мама.

— Куда?

— Как куда... В школу!

— Нет.

— Что — нет?

— Я больше туда не пойду.

— Вот как? Почему же?

— Хватит уже, видел я эту школу, ничего там интересного. У меня тут полно дел, дома. Я обещал Гродуду сделать ему такую машинку, чтобы искать косточки, а то он их много зарыл у меня под кроватью, а найти не может, так что некогда мне в школу ходить.

Мама присела передо мной на корточки. Я замотал головой.

Она стала меня уговаривать. Я заплакал.

Она подняла меня на руки, я завизжал.

И тогда она вlepила мне затрещину:

Первую в моей жизни.

Вот так.

Вот тебе и школа.

Так начался кошмар.

Я миллион раз слышал, как родители рассказывали эту историю. Своим друзьям, воспитательницам, учителям, психологам, логопедам и консультанту по профориентации. И до сих пор каждый раз, когда ее слышу, я вспоминаю, что этот самый детектор косточек для Гродуду я так и не сконструировал.

А сейчас мне тринадцать лет, и я учусь в шестом классе. Да, сам знаю, что-то тут не так. Не надо загибать пальцы, сам объясню. Два раза я оставался на второй год: в начальной школе во втором и вот теперь — в шестом.

Из-за этой школы в доме вечно скандалы, сами понимаете... Мама плачет, а отец орет на меня, или, наоборот, мама орет, а отец молчит. А мне плохо, когда они такие, но что я могу поделывать? Что им сказать? Ничего. Я ничего не могу им сказать, потому что, если открою рот, будет еще хуже. А они долдонят мне одно и то же, как попугаи: «Работай!»

«Работай!» «Работай!» «Работай!»

«Работай!»

Да понимаю я, понимаю. Не совсем я все-таки тупой. Я бы и рад работать, да вот беда — не получается. Все, чему учат в школе, для меня китайская грамота. В одно ухо влетает, в другое вылетает. Водили меня к миллиону докторов, проверяли глаза, уши, даже мозги. Времени потратили уйму, а заключили, что у меня, видите ли, проблема с концентрацией внимания. Обалдеть! Я-то сам знаю, что со мной, меня бы спросили. Все со мной в порядке. Никаких проблем. Просто мне неинтересно.

Не-ин-те-рес-но. И все.

Хорошо в школе было только один год — в старшей детсадовской группе. Там у меня была воспитательница Мари. Вот ее я никогда не забуду.

Я теперь думаю, Мари пошла работать в школу, чтобы заниматься тем, что ей нравилось по жизни: рукодельничать да мастерить всякую всячину. Я ее сразу полюбил. С самого первого дня. Платья она сама себе шила, свитера сама вязала, украшения сама придумывала. Не было дня, чтобы мы не приносили что-нибудь домой: ежика из папье-маше, котенка с бутылоч-

